

18+

Муса Мураталиев

ХВАТКИЙ МОЙ

Муса Мураталиев

ХВАТКИЙ МОЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43311875

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-09238-9

Аннотация

В сборник включены ранее публиковавшиеся повести известного русского прозаика в новых авторских редакциях, в которых возникает некое утраченное, архаическое единство человека и природы. В повести «Хваткий мой» молодой свободолюбивый сокол предстаёт в драматических ситуациях. Поэтическая повесть «Жнивье» построена на чувствах серой овечки. Писатель показывает эмоции животных изнутри, тем самым поднимая их образы на высокий уровень.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Муса Мураталиев

ХВАТКИЙ МОЙ

ХВАТКИЙ МОЙ

1

...Жил на свете молодой соколёнок – тынар¹.

Совсем соколёнок глупенький был.

Как только мать выпихнула его из гнезда, отправляя в первый полет, и пролететь-то тынар успел до сучка ближайшей сосны.

Посмотрел оттуда вверх и... он уже чужой.

Соколиха потом из всех сил стала выпихивать другого птенца.

Но тот покидать гнезда упорно не желал.

Отец нахохлился, сидя на краю свитой из прутьев корзинки, строгий, но безучастный.

А соколёнок видел и слышал возню матери и брата.

Ему захотелось вернуться в родное гнездо, но сдержался.

Тоже, как отец, нахохлившись, успокоился.

Мать не дала бы ему приблизиться, вылетела бы навстречу, чтобы отогнать подальше.

Сын стал чужим для неё.

Молодой тынар полдня так и просидел на той сосне.

¹ Тынар (кирг.) – разновидность кречета, наиболее ценный сокол из рода пернатых для охоты.

И всё следил за тем, как бестолково возилась мать, уже чужая, и младший брат, тоже будто чужой.

Наконец отцу, видно, надоела эта возня: резким взмахом крыльев он взмыл вверх, так что гнездо заходило ходуном, и завис на мгновение над соколёнком, что сидел на сосновом суку.

Пронзительно защёлкал, призывно.

Лёгкость отцовского взлёта, проворность и быстрота – был рядом, а вон уже там, над шатром сосны, вон уже удаляется за деревья – удивили.

И молоденькому тоже захотелось так же, без натуги, взметнуться и полететь.

Он съёжился весь, как обычно делала перед взлётом мать, но остался на месте, вцепился в сучок – ведь никто не подтолкнул, его на сей раз.

Неожиданно для себя вдруг расцепил когти-пальцы, а когда начал падать вниз, крылья сами раскрылись, и он почувствовал нужную опору в воздухе...

Быстро ощутил он и неудобство от неуправляемого полёта, тяжёлым вдруг стало тело.

Испугавшись наплывающей в глаза земли, устремился опять к сосне.

Вот тут можно сесть.

А как?

Подобрать все перья, и маховые, и кроющие, вытянуть их вдоль тела, сжаться – так всегда делала мать, когда возвра-

щалась с добычей к птенцам и садилась на край гнезда, так и сын её сделал.

Вышло легко и просто.

Опустил обе лапы на ветку, растопырил пальцы, ощутил подушечками пальцев холодок сосновых игл.

Все вокруг покатилося куда-то вниз.

Замахал, замахал крыльями соколёнок и сообразил, что веточка оказалась слишком тонкой для него.

Никто ещё не учил его выбирать ветку по себе, а теперь что-то подсказало ему, что каждой птице нужно находить свою ветку.

Молоденький отпустил ненадёжную опору, перемахнул на сухой обломанный сучок, что торчал прямо из ствола.

Подушечки пальцев под нетвёрдыми ещё коготками почувствовали гладкую твёрдость сучка.

Точно прутья в родном – нет, чужом уже – гнезде.

Тяжесть тела сучок выдерживал, и молоденький успокоился.

Надо лететь за отцом, но кто же его подтолкнёт?

Не зная, как быть, соколёнок замешкался, хотя глаза уже горели нетерпением.

Тут он увидел отца в воздухе, и ему захотелось лететь рядом – крыло в крыло.

Да сейчас-то отец вон где, дальнею точкой виден.

Разве его догонишь, не зная всех премудростей полёта?

Тут и оттолкнуться – совсем не пустяк...

Соколёнок заскользил вниз, и крылья сами собой раскрылись.

Он в воздухе, как отец!

Всё, оказывается, просто: падай и взлетай, падай и взлетай!

И ещё долго будет он падать, чтобы взлететь...

Отца он, конечно, не догнал, а к матери не захотел возвращаться.

В первый самостоятельный день каждый недолгий полет сменялся длительным, в несколько часов, отдыхом.

С ветки новых деревьев осматривался соколёнок, приходил в себя.

Бояться ему было некого, да он и не знал страха.

Есть ему пока тоже не хотелось: ещё утром, с первыми лучами солнца, мать скормила птенцам целого зайчонка.

Длинноухий отчаянно пищал, вырывался, но удрать не мог: мать не выпускала буяна из своих когтей, а клюв до поры до времени в дело не пускала – братья-близнецы должны были покончить с зайчонком сами.

И, как всегда, первым напал на него он – тот, кто первым оставил затем и гнездо.

Братишка всё метался, подпрыгивая бестолково на дне гнезда, цепляясь коготками за прутья, а он сразу вонзил острые когти в мохнатую мякоть, почувствовал, как им стало тепло; и клюв его раскрылся, застыл, обнажив плугообразный язычок.

Какой вкусной была эта мякоть, её можно было заглатывать прямо вместе с шерстью!

Но по закону тынаров надо всё же было подождать, пока мать отпустит зверька – полуживого, но отпустит.

Наконец и брат оказался грудь в грудь с зайчонком.

Матери важно было дать своим птенцам возможность ощутить живого зверя, пробудить в них охотничий азарт.

Соколы знают: перед ними, владыками неба и гор, беспомощна, беззащитна вся живность, копошащаяся на земле.

Пусть знают и соколята: лишь им дана сила и власть, лишь им...

В свой первый самостоятельно прожитый день молоденький сел однажды на макушку колкого куста арчи.

Очень неудобно было и непривычно: кисточки-вершинки веток покалывали хвост и брюхо, как ни старался он избегать прикасаться к кусту.

По закону пернатых ничто чужеродное не должно дотрагиваться до тебя.

Но что ж делать?

Бывает, оказывается, что надо теперь потерпеть.

Тут молоденький сходу установил равновесие.

И, не обращая внимания на лёгкие уколы в живот, поднял голову.

И опять заметил он летящего отца высоко в небе.

Тот нёс в когтях какую-то птицу и летел в сторону гнезда.

Молоденький знал, для кого отец старается – всё для того,

бестолкового.

Вдруг сильно и остро захотелось свежего мяса.

Да так, что мелькнуло желание напасть на отца, отобрать птицу.

Он даже выпрямился весь, собираясь с духом.

Но отец был далеко-далеко.

И тогда соколёнок неожиданно для себя защёлкал яростно и страстно:

– "Тцок! Тцок!" – чтоб привлечь внимание к себе.

Отец, конечно, видел сидящего на можжевельнике сына, видел – и безучастно продолжал свой путь.

Полететь бы за отцом туда, в небо, показать, что нельзя, нельзя же так быстро забыть его, нельзя, ведь та птица должна быть предназначена и ему.

Рывок, он съезжает вниз, но взлететь не может.

Крылья распластались по можжевельным веткам, падение затормозилось.

Не с каждого места взлетишь!

Он рванулся было снова, ещё раз, наконец, пособирал крылья, нахохлился и остался сидеть на прежнем месте.

Отца в небе уже не было видно...

С того самого часа, соколёнок понял, что ему жить впредь одному.

Куда прилетел, там и его дом.

Дерево подходящее выбрал, долетел, сел на такой сук, чтоб тело выдержал, да на таком удалении от ствола, чтоб

при взмахе крыльям ничего не помешало.

Улетит потом с этого места и сразу забудет о нём.

По закону соколов только то и существует, что находится в поле его зрения, птицы и звери, горы и просторы, небо и земля...

На рассвете молодой тынар проснулся, распушил перья, потом встопоршил кроющие перья – дал воздуху омыть тело.

Так делали отец и мать перед утренним полётом.

Первая ночь в одиночестве оказался прохладней, чем в гнезде.

Рассветный воздух вызвал озноб, и соколик с шумом встряхнулся.

Пособирает одно за другим перья, прижал их поближе к телу.

Ловко приподняв кустик хвоста (не запачкать бы его), выстрелил за ночь застоявшимся сгустком.

И тотчас почувствовал щемящий голод: желудок был пуст.

Теперь молодой сокол мог взлететь в любой миг, даже если его потревожат глубокой ночью.

Соколёнок раз и взлетел в небо!

На этот раз ему легче было находиться в воздухе, чем на дереве, когда наваливалась вся тяжесть тела и цевки, будто прилипают его к сухой ветке.

Летал же он потом часами.

И чем дальше надо было лететь, тем больше это нрави-

лось.

Вот и сейчас: только вспомнилась сладкая свобода полёта, как одним взмахом крыльев соколик уже оттолкнулся от сухой ветки, на которой нынче пришлось переночевать, и весь окунулся в утренний воздух.

Лёгкость переполняла молодую птицу, словно пела в горле, лапы с острыми когтями сами собой прижались к брюшку – во время полёта они отдыхают, а тяжесть тела переносится на предплечья.

Тугой струной натянулись мускулы лопаточных перьев, сошлись с обеих сторон в одной точке на спине, а это для настоящего сокола, оказалось, тоже отдых.

Соколик уже умел расслаблять в полете ту или иную часть тела.

Отдыхало туловище, когда работали крылья, а в гнезде приходилось трудиться ногам.

В мгновение ока соколик взмыл над огромным темным тополем, в шатре которого, прилетев вчера в сумерках, он остался на ночёвку.

Весело клекотал:

– "Тцок! Тцок!"

А откуда-то снизу и сбоку, из-за дерева, донёсся до него схожий клёкот.

Сделав большой круг над макушками нескольких деревьев, соколик выдвинул чуть-чуть плечевые перья правого крыла, и тотчас линия полёта изменилась, круто пошла вниз

направо.

Со вчерашнего дня он ничего не ел.

Нутро протестовало, требуя свежего мяса, пусть с коготь, больше не надо.

Он тогда сможет терпеть несколько дней без пищи, но сегодня свою долю живого, свежего мяса хотел взять.

В лесу, похоже, соколу поймать что-нибудь не просто.

Чтобы пасть камнем, бить наверняка, нужен простор, свобода движения, а какой там простор под шатрами деревьев, в гущине застойной травы!

Лес помогает своим живностью спастись – это он понял.

Но туда, где за лесом открываются многочисленные холмистые просторы, где во впадинах травка низкорослая и потому не мешает пугливым куропаткам, а на ровных местах за холмами трава хоть и высокие, тем не менее, можно было застать кого-нибудь врасплох.

Немного прошло времени с тех пор, как взлетел с ночлега самостоятельно, в гордом одиночестве, и был полон уверенности в своём успехе.

Он успел свои острые когти и клюв-крючок опробовать почти на всех зверьках и птицах, что мать и отец приволакивали им в гнездо.

Соколик наслаждался свежей темноватой мякотью утки или фазана, сизоватой плотью степного голубя, горлицы или дикой горной индюшки; ему нравились и жирные сурки, и постно-нежная, без капающей крови зайчатина.

С высоты пространство было похоже на громадное выгнутое, приближенное краями к глазам гнездо.

Соколик воспринимал и широкие – тёмные для него – пятна зелёных лесов, и – отдельным бесцветным рисунком – каждую травинку, каждую букашку.

Зоркие, бдительные глаза его, окаймлённые светлой полосой, не различали цветовых тонов, но видели одновременно и ранних бабочек чуть ли не над землёй, и – выше их – птичью мелюзгу, и даже мошек, вьющихся с утра над кустарниками, рассеянными по холмистым местностям...

Искать надо подходящую пищу, чтобы разом наесться на целый день.

Найти дичь на точно рассчитанном – для стремительной безошибочной атаки – расстоянии.

Глазомер его не подводит, поэтому он выбирает только тех, кого наверняка может схватить.

А как случится промашке?

Он не знает. Это у него, по сути дела, первая охота.

Молодого сокола ведёт внутреннее, врождённое чутьё при виде добычи.

Он сходу определяет, дичь попадёт ему в когти или уйдёт от него.

Если так, то не пойдёт на риск, чтобы не тратить лишних усилий, а пролетит мимо, будто и не примерялся.

Но, когда внутреннее чутьё указывает, что в живую цель можно вонзиться мёртвой хваткой и смять её, то в нем про-

сыпается самый настоящий охотничий азарт!

Тело соколёнка сжимается, сводя лопатки, собирая оперение так, чтобы кончики самых длинных перьев легли на слегка растопыренное надхвостье и этот вытянутый хвост, он же руль, молниеносно и метко падает на дичь.

От быстроты падения по-особому устрашающе издают свист крылья, каждое перо хвоста поёт звонко и весело, будто труба...

Соколик перелетел через лес, как только первые лучи солнца показали из-за гор.

Безлесные склоны утром, как всегда, виделись белыми.

И над склонами всё обнаруживалось чётко, словно зимой на снегу.

Молодой сокол ещё не знал снега, но уроки белого солнца усвоил в гнезде.

Первое, что он заметил на своём пути, была стая диких голубей.

Его собственная тень пала сверху на одного из них – голубь потемнел.

Соколик приноровил свой полет к тому, чтобы тень его постоянно держалась на этой тёмной голубке.

Он, прикинув расстояние, понял, что нападать на стаю бессмысленно.

Пока ринешься, увеличивая скорость, на одну птицу, стая перестроится и уйдёт вперёд!

Это явный – промах.

Голубка посмотрела на него спокойно, она тоже чувствовала, что находится в безопасности.

Очень хотелось смять эту гордычку, но расстояние не позволяло.

Голуби вдруг пошли книзу, видно, заметили там где-то корм – да так поспешно нырнули, что в воздух вверх пошла звуковая волна, вызванная согласованным движением их крыльев.

Тёмная тень молодого сокола заскользила по ровной поверхности травостоя.

Хозяин всего живого, горячее белое солнце грело слева шею, спину, плечо.

Он ещё в гнезде никогда не упустил из виду солнце, благодарный за шедшее от него тепло.

Он уже знал: солнце согревало, но не обжигало.

Свет попадал слева прямо в глаз: яркий луч преследовал, не давал глядеть в полную силу.

Оставалось надеяться на правый глаз.

Им он тоже увидит немало, а менять направление полёта не хотелось.

Вдруг он заметил на неровной полянке справа одинокую птицу.

Попрыгивает себе то туда, то сюда, и то у неё не получается.

Похожа на фазанью самку, но вряд ли это фазанья самка. Что за птица?

Одна-одинёшенька.

Поклёвывает какие-то серые зёрнышки.

Прямо посередине полянки пасётся.

Ринься он на неё, не успеет убежать в густые заросли на краю полянки.

Чудно как-то!

Ведь каждое существо живое пасётся так, чтобы при опасности успеть убежать, или уползти, или отскочить в защищённое место, что поблизости.

А этой беспечной фазанье самке и закона нет, что ли?..

С первого взгляда молодой сокол определил промахи птицы, похожей на фазанью самку.

Эту можно легко взять.

Такую птицу, похожую на фазанью самку, он в гнезде ни разу не встречал...

Хвост какой-то необычно короткий.

Соколик начал подбирать лапы, складывать крылья, а когда острые их концы легли на хвост и, все тело напряглось, будто тяжесть его увеличилась, резко, стремглав, с нарастающим свистом ринулся вниз на незнакомую глупую птицу.

Глаза соколика неотрывно следили за её движениями: попробуй она увернуться, нападающий успеет изменить направление атаки.

Ему доставлял удовольствие сам азарт нападения; он открыл на лету клюв-крюк, слегка высунул плуго-образный язычок, зашипел грозно.

Вот как происходит, оказывается, само нападение?

Внутреннее чутьё даёт знать: «пора!»

Тут соколёнок расправляет концы крыльев, развёртывая их веером, так чтобы зависнуть в воздухе на мгновение, необходимое для того, чтобы решительным ударом поразить жертву в голову.

Потом, задним когтём одной лапы полоснуть ей под горлом, а когтями-пальцами схватить её и подняться – уже вместе с добычей – снова в небо.

Соколик подготовился сделать всё, как подсказывает ему внутреннее чутьё.

Он на лету, приближаясь к земле под острым углом, заметил блестящие в солнечных лучах тонкие верёвочки между четырьмя столбиками, которые квадратом огораживали птицу, похожую на фазанью самку.

Тоненькая верёвочка, зачем она?

Слишком слабой показалась она, чтобы сворачивать в сторону, – можно проскочить сквозь сеть или порвать её.

И, только налетев на неё грудью, соколёнок почувствовал, что сеть и мягка, и крепка, – будто тугим ветерком повеяло ему навстречу.

Несообразительная самка закудаhtала, задёргалась в предчувствии удара сверху!

Хотела было юркнуть в сторону, но из-под серых зёрнышек вынырнула красная нить!

Её конец туго обмотал лапку птицы-жертвы, другой же

оказался привязанным к метёлке – стеблям чекенде², что натянулась так резко, что стебли чуть из земли не выдернулись.

Птица-жертва застучала беспомощно крыльями, вся распласталась по земле и затрепыхалась.

И тут молодой тынар настиг её, все четыре когтя левой лапы разом вонзились в мякоть, задний коготь правой уже очерчивал в воздухе дугу, чтобы полоснуть жертву под горлом, но... не вышло.

Задний этот коготь её зацепился за что-то, за какое-то препятствие.

Внутреннее чутьё подсказывало, это делается просто.

Задний коготь легко разорвёт живую ткань, нанося глубокую, смертельную рану.

На деле было не так.

Подобной осечки не должно было случиться!

Поэтому молодой тынар не испугался.

Нет, он изготовился тут же взлететь – подальше от этого странного места... в небе безопасно, оттуда можно и осмотреться.

Он рванулся, но что-то мешало ему взлететь, что-то держало его за крылья.

А тут ещё эта незнакомка, похожая на самку фазана, стараясь вырваться, протасила его, распластанная, чуть вперёд, и вдруг с двух сторон сверху упали два столбика, и густая мягкая сеть накрыла обеих птиц.

² Чекенде (кирг.) – Кузьмичёва трава.

Как жаль, что не смог он полоснуть задним когтём эту глупую самку.

Но все равно отпускать её он не собирался.

Будет держать одной лапой до тех пор, пока не добьёт...

Но, когда их обоих опутала сеть, соколёнок, почуяв опасность – замер.

Что это такое?

Бывало ли у соколов когда-нибудь так, чтобы поверх крыльев по всему телу будто налипло что-то, и столь большое, чужеродное?

Хотел было взметнуться вверх, но запутавшиеся в сети крылья не слушались его, тогда, весь прижавшись к земле, он притих.

Молодой тынар несколько раз оторвался от земли.

Каждый раз вслед за ним поднималось множество мелких ниточек, и даже большая сухая палка.

Этот груз оказался уже не под силу соколику.

Охотник свалился наземь, потеряв несколько мелких перьев.

Он снова рванулся, пытаясь взлететь.

Но неожиданно метнулась в сторону самка в его когтях и опять поволокла его за собой по траве.

Молодому соколу почудилось, что всему виной эта глупая птица, похожая на самку фазана.

Если её отпустить, он, может, станет свободным?

Сделав усилие над собой, он даже хотел было разжать ле-

вую лапу, но не смог преодолеть себя.

По закону ловчих птиц – этого делать нельзя!

Схваченную добычу, умри, но удержи в своих лапах.

Пусть даже её у тебя будут вырывать вместе с когтями и цевкой.

Сокол должен побеждать или умереть!

Согласиться же на поражение могут только не соколы.

Так и держал он левой лапой добычу, хотя незнакомая птица беспрестанно билась, металась из стороны в сторону, истошно кричала, пока последние силы не оставили её.

Но и молодой тынар, хотя и успокоился немного, вновь и вновь рвался в небо!

Мягкая сеть сковала крылья, раскрыв их веером, выставив их на лёгком ветерке.

Теперь он ни сложить их, ни взмахнуть ими не мог.

А стоило ему потянуть одну тоненькую верёвочку – она зацепилась за средний коготь правой лапы, как мягкие ниточки превратились в острые длинные прутья, которые надавили ему на спину столь крепко, что от острой боли он был вынужден сразу же расслабить коготь, вернуть нить в прежнее положение.

А какими слабенькими, будто паутина, казались ему с воздуха эти ниточки да верёвочки!

Одна из них прошлась прямо поперёк клюва.

Тут соколик приоткрыл клюв и попробовал перекусить её.

Невозможно было разорвать её.

Он даже не смог вытолкнуть обратно загадочную нить, которая так и осталась в клюве, щекоча кончик языка.

Такая же ниточка оказалась под левым глазом; он стал усиленно моргать и вдруг почувствовал, как она прикоснулась к плёнке глаза и вызвала пронзительную боль.

Ещё и ещё пробовал он освободиться, пока, обессиленный, не застыл распростёртый на земле, ко всему уже безучастный...

2

Лесник Кончой соскочил с седла, небрежно накинул конец поводка на штaketину забора.

Лошадь все равно никуда не отойдёт, свой двор знает.

Из калитки навстречу хозяину выбежал пёс – тайган³.

Легким движением ноги Кончой отстранил собаку, мягко, он всё делал мягко.

Надо будет сказать старой, пусть накормит тайгана.

А он малость отдохнёт, пока спадёт жара.

На сеть пойдёт к вечеру.

Да, целую неделю Кончой, охотится за молодым соколом, он выставляет на открытых местах в мелколесье – сегодня здесь, завтра там – силки.

В четверг вот, высвободив лапки из верёвочек, убежала в лес единственная приманка, которая была у Кончоя – перепёлка.

Замены порядочной сразу не нашлось.

³ Тайган (кирг.) – киргизская порода собак, борзая.

Привязал вот – смех, да и только! – свою рябую курицу.

Старая так посоветовала: курица повадилась нести яйца на соседнем огороде, да и вообще была какая-то невзрачная, глаз не радовала.

С того четверга Кончой пригляделся к рябой в силках – ничего, трепыхается как надо.

Мягко и смиренно идёт за Кончоем по пятам верный пёс.

Но хозяин не обернулся к нему, вошёл в дверь.

И всё равно рад тайган, хоть и остался у порога.

Хозяин не кличет, значит, стой.

В понимании тайгана, главный в доме – хозяин.

Разве не по его слову собаку кормят?

А кто ведёт тайгана охотиться?

И сердце собаки, словно воробушек крыльями, трепещет, когда удастся перехватить взгляд хозяина.

О, тогда стоит услышать обращённый к нему приказ!..

Или обрадуется чему-то хозяин, громко захохочет – тайган, в добром или худом был до этого настроении, бросается вперёд во всю прыть, и ему тут же становится радостно.

И тогда подкрученный под брюхо собачий хвост сразу задвигается лихим крючком вверх.

Ходи веселей вместе с весёлым хозяином!

Жаль, конечно, что таким вот весёлым хозяин редко бывает.

Тайган многое дал бы, чтобы продлить хорошие минуты Кончоя...

Вот и сегодня – явно не в духе хозяин.

Сколько ни махал ему хвостом, ни разу не взглянул...

Значит, верному псу можно вернуться обратно.

Приятно на солнцепёке: снизу, под брюхом, земля прохладна, чуть нагрета шерстью.

На охоту, видать, не пойдут.

Ну да ладно, отдыхать всегда приятно.

Хозяин всего живого, светло-белое солнце с одинаковой полуденной силой озаряло поверхность земли, и правую, и левую её стороны.

Бесчисленные лучи, сливаясь в сплошной поток тепла и света, низвергались из недр необъятного солнечного тела на зверей крупных и мелких, ползающих и прямо ходящих, не бегающих, порхающих, плавающих.

Солнце светило и Кончою, когда тот вышел из дома, и его каурому, так никуда и не отошедшему от штакетника, на который Кончой набросил повод ещё час назад.

Светило солнце и молодому тынару, все ещё трепыхавшемуся, хоть и слабо, в паутине верёвок.

Играло на темно-серой спинке распяленной птицы, на поперечных светлых дорожках, бегущих к животу, отражалось от твёрдо-коричневого клюва, приоткрытого так, что виден был алый коготок язычка: пропадал и возникал он, пропадал и возникал – значит, птица дышала.

И уж совсем равнодушно было солнце к пёстрой тушке мёртвой курицы.

Мёртвое не согревалось, мёртвое и есть мёртвое – тушка, утратившая форму, беспорядочная куча перьев, розовая, уже без мяса кость, что высунулась из грудки.

Яркое солнце освещало всё подряд, ему было всё равно, кого и что согревать.

И муху с пурпурным брюшком, что искала удобного для себя места на мёртвой рябой курице.

Молодой тынар слышал жужжание мухи, правый глаз следил за причудливым её передвижением.

Приникнув к траве, соколик лежал неестественно для себя.

Тело утомилось, крылья одеревенели.

Сколько же всё это ещё продлится?

Глупая, бестолковая птица, похожая на фазанью самку...

Кусок её мякоти, с таким трудом вырванный им из птичьей груди, по вкусу, припомнилось, был слаще, чем фазанье мясо, и не такой жирный.

Не надо было глотать тот кусок!

Зоб-то он себе успел набить, но освободиться теперь не знает как.

Он смутно догадывался, что освободить его может лишь чья-то помощь со стороны.

Он не знал, а больше ни о чём не стоило беспокоиться.

Он сыт настолько, что не хочет даже смотреть на свежее мясо, которое лежит почти у самого клюва.

Он продержится теперь без пищи целых трое суток.

Ничего, никого он не боится.

Неведомо ему, что такое смерть?

А что такое ждать, он понимал.

Вот он и будет ждать дальше.

Больше не стоит пытаться вырваться: от таких попыток обострялась боль то на шее, то над глазом, то на щеке, или кончик хвоста сдавливала какая-то сила, или плечо саднило.

Не рвись, не двигайся, и тогда боль загадочно отступает куда-то.

Это он понял быстро.

Странный шум вдруг послышался соколёнку.

Такого шума он ни разу ещё не слышал.

Тяжело и отчётливо: туп, туп, туп.

Потом поближе: туп-туп, туп-туп, туп-туп.

Настойчивее и громче.

Предчувствие чего-то недоброго волной проходит по телу молодого сокола.

Он застывает.

Натянул плёнку правого глаза до конца, а сам превратился вслух.

Тяжёлый топот все приближался.

Стали различимы ещё и лёгкие, как дуновение ветра, шаги, словно у зайца, которого если что и выдаёт при беге, так лёгкий хруст сухих соломинок, хворостинок.

Но приближающееся существо довольно тяжёлое, под его ногами веточки ломались.

Потом послышалось скулящее взвизгивание – и тут соколёнок приоткрыл глаз!

Показалось огромное четвероногое животное, похожее на лису, только чёрное.

Животное замерло подошло прямо к сети и замерло.

Нет, соколёнок, пожалуй, не смог бы его победить.

А уж сейчас с ним, распластанным в этой непонятной паутине, зверь мог поступить, как хочет...

Но всё же, зачем прибежало сюда такое огромное животное?

Что от него надо этой "лисе?"

Туп-туп, туп-туп...

Всё ближе и ближе.

Зверь, похожий на лису, обежал вокруг соколёнка, радостно громко заскулил.

Стало быть, направлялся-то он как раз сюда, к сети.

Тяжёлые тупые звуки подошли почти вплотную к пленённой птице, и тогда похожий на лису чёрный зверь громко, отрывисто загавкал на молодого сокола.

И чувствовалось, что зверь веселится и не собирается трогать соколика.

Получалось, что он вскрикивает не для себя, для кого-то ещё.

Вон завилял черным тонким, как прут, хвостом, выглядывающим то из-за правого, то из-за левого бока.

Лаял он на молодого сокола, прижимая его грохотом сво-

его лая к земле.

Гавкнет над правым ухом птицы – он вздрагивает всем телом, начинает кипеть, собирая злость и обиду.

Туп-туп, туп-туп, туп-туп... и в округе всё смолкло.

Молодой сокол вновь приоткрыл глаза.

Показалось: почти из-под макушки сосны нависло над ним голое лицо человека – за свою короткую жизнь соколики не раз видел двуногого – человека.

Этот сидел на каком-то огромном звере с раздутыми ноздрями, с вытянутой вперёд большущей головой.

Оба они были до такой степени крупны, что у молодого тынара зашло сердце!

Ещё не заметят, наступят нечаянно и раздавят его!

Немедленно надо взлететь.

Тело делает все необходимое, что нужно перед полётом, напрягаются все мускулы, которые обычно поднимают птицу в воздух.

Но мягкие, тоненькие, упругие нити держат его, как и прежде.

Опять напрасно!

Сейчас великаны раздавят его!

И впервые в маленьком горячем, трепещущем, как бабочка, сердечке, в широко раскрытом, немигающем правом глазу возникает страх!

Кончой, выехав из-за леска на полянку, сразу заметил, что угловые палки-ловушки свалились и сети не видно.

В волнении от предчувствия удачи стал он погонять кау-рого.

Подъехав, осадил лошадь, поспешно спрыгнул на землю, забросил повод на ветку сосны.

Этого было достаточно, чтобы каурый стоял здесь, пока Кончой проверит свою удачу.

Кончой, нагнувшись, осторожно взялся за конец расстеленной по траве шёлковой сети, другой рукой стал подбирать её.

– О, Всевышний... слава тебе за такой подарок! – зашептал еле слышным голосом. – Ах, как бы не сглазить... ну, родимый, ну не бойся, а ведь сам Бог тебя мне преподнёс...

Принеси мне удачи, птица!

Щедрым, вот, самым ловким быть!..

Ну-ка, родимая птица, давай-ка... ко мне иди... не бойся... тут все свои...

Оставалось одно последнее движение, чтоб взять тынара. Кончой перевёл дух.

Отвёл руку, что тянулась к птице, другую поднял к своей голове и осторожно снял мерлушковый тебетей⁴.

Молодой тынар от страха ещё крепче прижался к земле, необъятной земле, которой не надо было бояться; оставалось отыскать в её травах, в её почве, её запахах защиту себе.

Правый глаз следил за голым лицом человека.

Те двое животных стояли в стороне, их соколёнок уже не

⁴ Тебетей (кирг.) – шапка мужская.

боялся...

Сначала человек наклонил над соколиком своё голое лицо.

Оно было страшное!

Тело его было скрыто одеждой, пахнувшей резко и непривычно остро.

Услужливый зверь, похожий на лису, поскуливал.

А человек почему-то был особенно сдержан и нетороплив.

Почему не подходит он быстро, не бьёт сразу?..

Побаивается?

Или хочет подольше продержать соколика в страхе?

Но что это?

На конце голой руки человека появилось что-то чёрное и круглое.

Рука и предмет стали медленно опускаться, приближаясь к молодому тынару.

Наконец что-то чёрное и круглое дотронулось до крыльев, а потом и хвоста, накрыв птицу целиком.

Исчезло яркое тёплое солнце, будто провалилось куда-то под землю.

Круглый предмет был мягок и остро, неприятно пахнул.

И воздуха вдруг стало мало.

В маленьком, с бабочку, горячем сердечке воцарился один только страх.

Никто, никогда не загораживал птице солнце.

Тынар летал и под тучами, и в высокоствольных лесах, нырял вниз с отвесных скал.

И всегда и везде он чувствовал присутствие солнца!

Взмыть в небо!

Мерлушковый тебетей ещё крепче прижимал соколика, заставляя его вытянуть сначала во всю длину шею, ткнуться кривым клювом в землю, подобрать в линеечку хвост.

Лапы подчинились не сразу.

Поцарапали сначала безвинную землю, сопротивляясь сильной руке человека, потом замерли.

Молодой тынар дрожал от ужаса.

На него вдруг накатился страх.

Сила человека была непомерна.

Рука делала что хотела, птица оказалась совсем беззащитной перед нею.

Тут большой круглый предмет, что накрыл его целиком, стал потихоньку приподниматься с одного края!

Оттуда в щель проник робкий рассеянный свет.

Соколёнок вздрогнул!

С того края осторожно вползли пальцы человека.

Пальцы руки приближались медленно и вдруг ловким одним рывком схватили оба крыла соколёнка, сведя лопатки воедино.

Не успел соколик впитать в себя тепло человеческих пальцев, как единым махом пальцы подняли его куда-то вверх, и он оказался весь на свету.

Крылья остались во власти руки; она приподняла птицу так, что правым глазом молодой тынар смотрел в лицо человеку.

На лице этом живо посверкивали черными зрачками два глаза, между ними торчал бугор – вместо клюва, подумал соколик.

Тёплый неприятный запах вместе с дыханием вырывался через полуоткрытый рот.

Левым же глазом соколик видел лужайку, на которой только что он валялся распластанным.

Теперь там оставалась тушка птицы, похожей на фазанью самку, с разбросанными вокруг перьями и со все ещё не отвязавшейся от мёртвой птицы мухой.

Неподалёку махал хвостом первый прибежавший четвероногий зверь.

Он стоял и тяжело, тоже смрадно дышал, вывалив из пасти тонкий, с расширяющимся основанием язык.

Его-то преданный вид – вид животного, готового тут же сделать всё, что ему прикажет двуногий хозяин, – нагонял на соколёнка наибольший страх.

Этот зверь знает, что теперь должно случиться.

Длинный чёрный хвост его беспокойно метался, хлестал по туловищу то справа, то слева, а костляво-покатый зад зверя не шевелился.

Молодой сокол дал вспыхнуть, заостриться так ни разу и не моргнувшим своим глазам, и яростно заклекотал:

– "Тцок! Тцок! Тцок!"

Лапы его не достигали земли, беспомощно свесились, вытянулись от собственной тяжести, крылья были вывернуты назад рукой человека.

Соколику ничего не оставалось, кроме как выкрикнуть своё возмущение "Тцок!", высвобождаясь на миг от гнетущего страха.

– Ну, ну, успокойся, милый мой, ловчий, сердитый, хваткий ты мой.

Кончой распутывал сеть, стараясь не поломать ни одного пёрышка на крыльях соколёнка: задача оборачивалась долгой работой.

– Успокойся, успокойся, вся ладонь, вплоть до запястья, – говорил он. – Бояться меня не надо, тут все свои.

Привыкай, родной мой, удачливый мой...

Сейчас вот последние верёвочки распутаю, и всё.

Потерпи ещё немного...

Человек говорил мерно, успокоительным голосом, а молодой тынар никак не успокаивался.

Единственно, что его и влекло, и злило, это неприятный, едкий запах.

Он не исчезал даже тогда, когда человеческий голос прерывался.

Этим же запахом были пропитаны и голое лицо, и мягкие одежды, и та рука.

Она-то крепко зажала крылья тынара на спине, не давая

свободно дышать.

А другая рука, которая не спеша то отходила, то опять придвигалась к глазам птицы вместе с мотками лёгкой шёлковой сети на пальцах.

– Терпение, выдержка... – говорил человек.

Соколик замотал клювом вверх-вниз, вверх-вниз.

Чих, ещё чих!

Хоть дырочки ноздрей на надклювье были чисты, чих все равно одолевал.

И соколик снова чихнул.

Щекочущий человеческий запах проникал в самое нутро.

Всё собой заполнял вокруг.

Белая верёвочная сеть, как ни распутывал её постепенно человек, по-прежнему больно впивалась в спину и крылья, грозя надрезать и переломать перья.

Сеть упорно не желала отпускать птицу.

Похоже, ей нравилось стискивать её.

Тогда Кончой достал из бокового кармана вельветового чепкена⁵ небольшой складной нож, одной рукой вытянул лезвие, полоснул им в нескольких местах по верёвкам – и вся сеть, освободив птицу, сползла на траву.

Молодой сокол тут же рванулся, но рука человека не разжалась.

Рука, почувствовав порыв птицы, быстро укротила его, прижав птицу к одежде, и голова соколика опять оказалась

⁵ Чепкен (кирг.) – национальная мужская верхняя одежда типа пальто.

во тьме, в мягкой тьме между чепкеном и рубахой.

Двигаться крыльям тоже не давала рука.

Когтями свисающих наружу лап соколик попытался было помочь себе высвободить голову, но рука сжала крылья по-особенному жёстко.

Так уже вторично соколик убедился в немыслимости своего освобождения.

Сеть из тонких верёвок была лучше...

Тогда можно было видеть свет дневной, теперь же её заставили вдыхать противный запах, которым густо пропитана одежда человека.

Потом он почувствовал, что куда-то движется вместе с человеком.

Зачем, в неизвестно куда...

Кончик жиденькой козлиной бородки вздрагивал и вздрагивал у Кончоя, вслух и мысленно он без конца благодарил Бога за удачу.

– Шутка ли, такая удача! – говорил он не раз.

Неспешно, но и, не мешкая, собрался лесник в обратную дорогу.

Правой рукой, держа за пазухой тынара, левой – управляя каурым.

Каблуками пришпоривая, подгоняя его, Кончой подобревшими, чуть увлажнёнными глазами всё посматривал куда-то вверх, в пустынное пространство синего неба, а кончик жиденькой бородки его все вздрагивал мелко-мелко.

Правая рука лесника словно закаменела – нельзя же допустить, не приведи Всевышнего, чтоб по дороге домой случилось что-то непредвиденное.

Так надо подержать сокола в темноте и почти без свежего воздуха до того, пока на его лапы не наденешь путлища, а самого посадишь на кожаную охотничью рукавицу.

А пока только за крылья держать.

Если свяжешь, совсем лишив сокола возможности шевелиться, он умрёт.

Если оставить его с открытой головой, оставить её высушить наружу из-за пазухи, то первый же встречный может его так напугать, что птичье сердце не выдержит и разорвётся.

А если даже не разорвётся, после такого испуга птицу не приручишь.

Надо с завязанными глазами и заткнутыми ушами привезти её домой.

И не сразу показывать ему людей...

След в след леснику торопится тайган.

Догонит всадника, забежит вперёд, чтоб, обернувшись на Кончоя, понять настроение хозяина; потом приспособится к скорости каурого, чтоб дальше не отставать и не опережать коня.

А каурый бежит и не шибко, и не лениво – спокойно, так что и с тропинки псу не свернуть, чтоб по сторонам порыскать, и устать от такого бега – не устанешь.

Тайган доволен, потому что хозяин в хорошем настрое-

нии.

Хозяин ему подбросил тушку рябой курицы, и пёс тотчас с ней управился, со всеми её потрохами, только и осталась на том месте кучка перьев да несколько назойливых мух.

Тропинка была собаке хорошо известна: идут домой.

Тайган облизнулся, сытным оказалось куриное мясо, повернул голову, посмотрел: правильно ли он, собака, показывает дорогу?

Может, не туда надо было?

Лицо хозяина заметно подобрело.

В уголках туго сжатых губ – морщинки радости.

Он на верного тайгана ни разу не взглянул, вообще не хочет смотреть вниз, глаза блуждают где-то там, в сторону неба.

И верный слуга вдруг тоже приостановился, поднял голову...

Наткнувшись о ней, Каурый с ноги чуть не сбился.

Хозяин взглядом указал собаке – освободи дорогу.

Тайган отскочил, а хозяин вновь глянул на облака в небе.

Поглядел вслед хозяину – все равно и со спины чувствует его радость.

И тогда, не выдержав налетевшего вдруг назойливого восторга, собака рванула во всю прыть, то вперёд, то назад, кругами петляя, а хозяин в центре этих кругов.

Бежит, опуская то и дело продолговатую свою морду в тёплую, нагретую погожим днём траву: ну-ка, где, когда, ка-

кая живность тут побывала, насколько долго тут задержалась, в какую сторону отправилась?

Все знает тайган.

Ничего не упустит.

На сей раз ехали споро, особо задерживаться некогда было.

Хозяин, чувствовалось, не одобрит сегодня никакой посторонней помехи.

Сбоку подуло прохладой.

Лошадь и собака ощутили ветерок раньше человека.

Только метнулся ветерок из-за бугорка, сразу и почуяли, как идёт он поверху травостоя, касаясь каждой травинки, разгоняя по всей дороге приятные и дурные запахи, что застоялись до его прилёта.

Запахи до того пряные, густые – растекаются, слабеют и наконец растворяются в воздухе.

Тайган приостановился, подставил морду ветерку.

Правая ноздря у собаки ничего не чувствовала, это после того, как хозяин обжёг ему пуговку носа – обычай говорит: такая собака уже не может сбеситься.

Оттого тайган подставлял морду ветру так, чтобы волна его била целиком по левой ноздре.

Прохладным живым существом проносится ветерок, проникая в мозг тайгана, сообщая через разные запахи столько интересного!

Вот запахи горных цветов, трав и кустарников.

Вот другой запах: где-то недалеко спрятался пернатый.

А это вот заяц.

Какой заманивающий запах!

Свежий!

От очень близкого места идёт.

Стоит побежать – в несколько прыжков настигнешь зайня-
ку.

Тайгану уже не хочется разбираться дальше в остальных
запахах, хочется помчаться, отыскивать зайца, который где-
то тут так близко.

Как быть?

Побежать можно?

Обернулся, посмотрел на хозяина.

Хочется, чтобы издал привычный клик:

– "Айт! Уйт! Тувайт!"

Но хозяину сейчас не до тайгана.

Без слова хозяина он не может охотиться, нет-нет.

Скорым бегом лошадь может унести хозяина далеко.

А вдруг они свернут совсем в другую сторону, куда тайга-
ну потом не добежать?

Нет, без хозяина оставаться тут нельзя.

Лучше двигаться за ним, не надо отставать.

А вдруг впереди по дороге попадётся другой заяц?

3

...Подъехал к дому лесник Кончай, и, как назло, никто не
вышел ему навстречу.

– Забываются обычаи, – говорит он. – Всевышний нас прости!

Кончою пришлось спешиваться самому, с птицей за пазухой это было неудобно.

Потом одной рукой пришлось привязывать каурого к коновязи.

Поспешил Кончой в родной дом, но у порога приостановился и крикнул:

– Эй, Сайкал! – позвал он жену. – Выходи-ка сюда, живо!

Осторожно вытащил тынара из-за пазухи, снял тебетей с головы и опустил в него птицу.

Держал, не давая глазам птицы видеть, ушам слышать.

Старая жена вышла не сразу, ну, а уж как появилась в дверях, вовсе перепугалась.

– Ой, что с тобой? – говорит жена. – Стряслось что, почему стоишь за порогом с непокрытой головой?

– Радуйся, старая! – гаркнул тут лесник. – И не спрашивай, а лучше вынеси-ка из дому воды в пиале.

Поторопись, поторопись...

И пусть никто пока из дома не выходит.

Скажи ребятам, пусть сидят дома, вот.

– А что такое?.. – догадалась Сайкал. – Кто?

– Ишь, любопытство её разбирает... – одёрнул Кончой жену. – И пепел рассеять на воду не забудь.

– Нашёл игрушку, – огрызнулась Сайкал, но все же отправилась выполнять наставления, соответствующие обычаю. –

Точно соколёнок?

Вот изведёшь его до смерти, будешь тогда кровью птицы запятнанным.

Молодой тынар слышит эти разные по высоте и тону речи людей.

Кругляшки-глаза его опять теряют белый свет тёплого солнца.

Он вновь испытывает чувство большого страха.

На пороге появляется Сайкал с белой пиалой; на доньшке там плескалась вода, а на поверхности воды расплылась щепотка пепла.

– Давай-ка сюда пиалу, – говорит ей Кончой. – Не смотри, на сокола нельзя смотреть пристально...

Лучше уйди, дома ещё есть кто?

Сайкал не ответила.

Он трижды обводит пиалой круг над тебетеем, под которым держит птицу:

– Тебя, соколёнок, Всевышний подарил мне наудачу! – шепчет Кончой с нескрываемой радостью в голосе. – Служи, хваткий мой, ты мне! Во имя Всевышнего! Аминь!

Затем подносит воду поближе к губам старушке и ждёт, чтобы и она пожелала удачи.

Сайкал нечего было сказать:

– "Суф! Суф!" – говорит она, и, беря пиалу из рук мужа, проходит два шага вперёд, а там веером выплёскивает воду

в сторону востока⁶.

– Теперь родненького соколёнка приглашаю на тёр⁷, – говорит Кончой и перешагивает через порог.

– Нашлось старому занятие, – бормочет недовольным голосом Сайкал, ожидая за дверью, пока муж выйдет обратно.

Если она пойдёт навстречу мужу с пустой немытой пиалой, он заругает – плохой знак – сокол выйдет бездарным.

Через некоторое время появляется Кончой.

– Сияет! – говорит жена снисходительно и нежно. – И впрямь будто маленький!

– Хорошо, что детей дома не оказалось, – говорит Кончой и направляется к старому дому.

Сайкал замечает, что муж прихватил кожаный мешочек: вон, слева под мышкой.

Старый дом в их дворе – с низким потолком, плоской крышей, земляным полом – совсем в запустенье.

Уже который год в нём никто не живёт.

В двухкомнатном строении нет даже оконных стёкол.

Некогда разбитые стекла не удосужились заменить.

Вместо этого в прошлом году старший сын Кончою прибил решётки, чтобы внутрь дома не лазали кошки или собаки.

⁶ По киргизскому обычаю, так встречают вернувшихся с рискованной поездки родственников.

⁷ Тёр (кирг.) – почётное место в комнате, обычно в стороне, противоположной выходу.

В передней комнате хранится старый хлам, кое-какие продукты, сыромятни, резанное на зиму мясо крупного скота, а в дальней комнате вообще ничего не было.

Года два назад Кончой держал там своего балабана⁸, но с тех пор она пустовала.

В левом углу комнаты вбит в земляной пол ивовый туур – особый насест для птиц-охотников.

Тот угол был самый тёмный из всех четырёх углов.

Когда дом строили, окно, единственное на той стороне, по ошибке придвинули слишком близко к выходу.

Ошибка ошибкой, но приручать птиц-охотников надо в темноте, и тёмный угол в дальней комнате, как ни к стати пригодится.

Сидя в глухом углу, птица быстрее забывает о своей прошлой свободе...

Сайкал догнала мужа, подождала, пока тот не приказал ей открыть дверь.

Повозилась с ключом и, пропустив мужа вперёд, вошла в переднюю комнату и сама.

Тут же плотно закрыла дверь за собой.

Кто знает?

Вдруг случайно выпустит сокола.

Лучше закрыть поскорей.

Сколько там силы то осталось у старика, да и устал ведь – не дай бог, выпустит.

⁸ Балабан – вид хищных птиц семейства соколиных.

Затхлым воздухом отдавало в заброшенной комнате, но старик и старуха не придавали этому никакого значения.

Привычно прошли в глубину.

В пустоте шарканье подошв сразу слышнее стало.

Отзвуки шагов, эхом разнёсшиеся в пустом пространстве, почувствовал и молодой тынар, а ещё он услышал до этого скрежет, какой-то звук, будто крик стонущего зверя...

Оба подходят к окну.

Старик осторожно ставит тебетей с птицей на потемневший от времени и грязи подоконник, кивком приглашает жену поближе.

Сайкал вытягивает из-под мышки мужа кожаный мешочек и, поспешно развязав шнурки, достаёт шило, два старых кожаных путлица и большую иголку с суровой ниткой.

Лесник свободной рукой полез в тебетей, схватил соколёнка за крылья, с большой осторожностью вытащив его.

Глаза птицы увидели сразу двух человек очень близко от себя и потому огромных.

Солнце не светило, но все вокруг можно было разглядеть, как в сумерки.

За спиной тынар постоянно чувствовал тепло человеческой руки, которая то сильнее, то слабее сдавливала верхнюю часть крыльев.

И опять стало ясно, что эта рука может, если захочет, вообще раздавить его, но держит его бережно, словно опасаясь своей силы.

Нет, освободиться невозможно.

Зачем заваливают его на спину?

Молодой тынар, раскрыв горбатый клюв с плуго-образным кончиком языка, протестующе зашипел.

А, вот в чём дело?..

Люди надели на обе его ноги твёрдый предмет.

Когда они коснулись им ножек-цевок, тынар попробовал было схватить их руки четырёхпалой лапой.

Когти встретились меж собой, но люди не дали себя поцарапать.

Тогда, повернув шею, соколик посмотрел туда, откуда шёл свет.

Оказалось, белёсый луч падал из четырёхугольного проёма, который сам по себе был разделён на множество таких же четырёхугольных маленьких проёмов.

За ним чувствовалось насыщенное тёплым воздухом пространство, даже отсюда виднелись деревья, а дальше – далёкие, чужие горы.

И на макушках деревьев, и на склонах гор отражались светлые лучи настоящего солнца.

Время было ещё не вечернее, лучи солнца падали отвесно.

– Ну вот, удалый ты мой, – бормотал Кончой, направляясь с птицей в тёмный угол. – Будь, как у себя дома.

Не сердись, не будь чужаком.

Здесь вот твой ночлег.

Садись, вот твой туур или трон настоящий...

Думаю, до первой линьки мы тебя приручим.

А там видно будет...

Ты мне сделаешь, я – тебе.

Так-то, хваткий мой.

Давай отдыхай теперь...

С этими словами лесник крепким узлом намертво привязал кожаный поводок от путлиц к стойке туура, да с таким расчётом, чтобы птица не запутывалась в них.

Завязал, подёргал-подёргал, проверил поводок, потом приподнял птицу за оба крыла и осторожно подсадил, чтоб её когтистые лапы охватили поперечную деревяшку туура.

Подсадил и тут же отпустил.

А сам отшагнул от сооружения назад.

– Ну вот, милоч, сиди...

Не чужой ты мне...

Станешь послушным, тебе же лучше будет.

А если останешься непокорным, не сговорчивым, нам обоим будет худо.

Вот ведь как, хваткий ты мой, удача ты моя...

Крепко надо было держаться за поперечную деревяшку туура, крепко.

Как только освободились крылья – молодой тынар почувствовал тягу к полёту.

В голнях и цевках почувствовал свой вес – состояние естественное.

Свободен?

Чувствуешь вес – стало быть, свободен.

Он снова свободен!

Взметнуться, взлететь!

Пусть эти, что неподалёку, стоят себе, лишь взметнуться, вырваться в небо!

Взмах крыльями, ещё взмах, ещё и... какая-то новая, до сих пор незнакомая сила тянет к себе, заставляя вновь хвататься за поперечную планку.

Соколик не верит в поражение, снова взмахивает крыльями.

Он в воздухе, но опять всего лишь на три взмаха – больше не смог продержаться.

Снова пробует взлететь...

Ему нестерпимо хочется взлететь!

Вырваться, вырваться отсюда.

Его собственных сил хватит на долгий полет.

А когда же и нужен полет, когда же и нужна свобода, если не в таком буйстве собственных сил, не растроченных жизнью, молодых и горячих?

Но и эта невидимая враждебная сила существует, оказывается, на свете, проявляет себя, упорно притягивает его книзу, перебарывает его волю к свободе.

Никто ведь его не держит; лапы опираются о жердь, или о землю, крылья распахнуть ему ничто не мешает, хвост раскрывается веером, каждое пёрышко в его власти.

А взлететь не может.

Молодой тынар в горьком недоумении.

Как убежать от этой непонятной, загадочной, злой силы?

Он ищет её вокруг себя, эту силу.

Ага, опять, как и в сети на траве... вот обвиты цевки ног, это ремешки оттягивают, не отпускают его за пределы дозволенного расстояния!

На взмах вверх крыльев или вправо, или влево – вот пределы, которые положил молодому соколу лесник Кончой.

– А ведь это не балобан, – замечает Сайкал после того, как довольно долго они молча любовались стараниями птицы вырваться, улететь.

– Этот ловчий редкостный, – отвечает жене лесник. – Тынар называют его в народе.

Если умело обучить, то можно тогда с ним даже на волка выйти.

– Себя бы без еды не оставил... – отвечает жена ему. – От птиц твоих, отец, толку всего ничего.

– Утром барана кормили? – спрашивает тут Кончой, будто не замечая старухиной колкости.

– Он уж с жиру бесится, твой баран, чуть девочку не забодал.

Придёт с работы сын, он и покормит.

В комнате вдруг становится совсем темно; старики обернувшись на окно видят, что это тайган с улицы загородил свет, уставившись внутрь старого дома на хозяев.

– Экий нахал! – рассердилась Сайкал и, резко подняв ру-

ку, закричала: – Пошёл вон, кыш!..

Тайган видит, что его отгоняют от решётки, но виляет хвостом – и ни с места.

Если б крикнул хозяин сам, тогда сразу надо было исполнить его приказ, а это хозяйка, с платком на голове, с ней тайган редко когда имеет дело, она только и умеет, что прогонять его отовсюду, просто так, для порядка.

– Завтра людей в гости пригласим... – сказал лесник. – Шерсть-то у барана уже такая выросла, что пора шкуру сдирать...

Хватит, сколько его кормили, пусть теперь нас хоть раз покормит...

Ну, пошли!

Сайкал нагибается, берет с земляного пола кожаный мешочек и направляется к выходу за мужем.

– Месяц-полтора назад шерсть была в самый раз, пригодилась бы для воротника, – хозяйка все же не удерживается от спора, – Сейчас переросла.

– Ничего, на воротник тебе ещё будет, не переживай, – хозяин сегодня добродушен. – А эту на овчину пустим, что ли.

Тебе будет лисий или даже куницын воротник.

Задвинув железный, в палец шириной засов на двери старой мазанки, Кончой ещё раз дёргает ручку двери.

– Ключи отдай-ка мне! – говорит он, отбирая из рук жены ключи. – Как бы детвора не влезла.

Вспугнут тынара, тогда все усилия пойдут насмарку, вся удача пропадёт.

Скажи, пусть сюда даже не смеют приближаться.

Здесь им не игрушки.

Люди ушли, и то, что он остался один, поразило молодого тынара.

Что он им теперь не нужен?

Но тогда зачем раньше столько возились с ним?..

А зачем оставили тут?

В этом, в какую сторону ни смотри, замкнутом помещении он, наконец, сидит один.

Вспыхнула радость в сердце – предчувствие полёта.

Взмах крыльев, ещё и ещё!

И боль в когтях, они неловко ударились о деревяшку туалета, и тут же сыромятные кожаные путлища сажают его силком на пол.

Ну да, вот эта злая сила, путлища.

Молодой тынар приходит в ярость.

Снова и снова рвётся вверх, не обращая внимания на теряемые перья.

В следующем рывке, если не в этом, он вырвется, перервёт путы, сломает стойку туалета.

Напрасные усилия.

Кончилось тем, что птица распласталась шеей, зобом, грудью, животом – по холодному земляному полу.

Горбатый клюв раскрылся, будто для того, чтобы оттуда

высунулся плугообразный красный язык.

Лапы свободны, крыльями махи, сколько хочешь.

Воздуху сколько угодно.

Есть где взять разгон, чтоб взметнуться вверх...

Приподняв голову, тынар попробовал найти дыру, откуда в помещение втекает воздух.

По птичьим законам следует лететь туда, где есть течение свежего воздуха...

Сквозь оконную решётку, через старые саманные стенки свернувшийся там калачиком тайган слышал каждую неудачную попытку птицы порвать путы, любое её шумное движение.

Шум этот казался собаке бестолковым и бессмысленным, раздражал её, но уходить отсюда нельзя.

Тайган решил следить за каждой выходкой птицы, чтобы при случае оповестить о том хозяина.

Хозяин в тебетее очень обрадовался этому пойманному пернатому.

Он, видно, полюбил эту птицу, поэтому стала она любя и тайгану.

Ишь, сидит сейчас в доме, бесится, ещё живая.

Надо быть поблизости.

Пусть хозяин любит больше не его, а тайгана.

Конечно, лучше бы загрызть птицу, но, если это нужно, то должен сделать это сам хозяин, и лишь потом получит птицу он, тайган, как ту рябую курицу, которую бросил ему на

поляне.

Пусть тынар ведёт себя плохо, хозяин тогда и кинет ему тушку этого ловца...

И тогда хозяину останется любить только тайгана...

Надо быть поблизости этого пернатого.

Хозяин в тебетее, за ним хозяйка в платке вышли снова во двор и даже не посмотрели на тайгана.

Пёс подошёл к двери, потом отскочил к окну, покрутился на месте, наконец, свернулся калачом, нашёл удобное положение для всех четырёх лап и спрятал в них острие морды.

Оставил глаза открытыми.

Спать не хотелось.

Тайгану теперь ясно, что есть тынара, хозяин не собирается.

Значит, он, тайган, должен быть начеку, чтоб в любую минуту защитить эту особую птицу, которую так любит хозяин.

Теперь он готов перегрызть глотку всякому чужаку, кто посмеет приблизиться к оконному проёму.

Пусть животное, пусть человек – от всех надо защищать птицу.

От окна ни на шаг!

Сидеть и охранять!

Заодно и подслушивать, что он там будет вытворять, какие будет вольности выказывать, этой ловчий.

В конце концов, надо же узнать, кто он – друг хозяину или враг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.